

Балы в России

Слово пришло в русский язык из немецкого; в переводе означает мяч. В старину в Германии существовал такой обычай: на Пасху сельские девушки с песнями обходили дома своих подруг, которые за минувший год вышли замуж. Каждой из них дарили по мячику, набитому шерстью или пухом. В ответ молодая женщина обязывалась устроить для всей молодежи деревни угощение и танцы, наняв за свой счет музыкантов. Сколько было в селе молодоженов, столько давалось и мячей, или балов, то есть вечеринок с танцами. В России до конца XVII в. ничего похожего на балы не существовало. В 1718 г. указом Петра I были учреждены ассамблеи, ставшие первыми русскими балами.

На протяжении XVIII-XIX вв. балы все прочнее входили в русский обиход и вскоре перестали быть принадлежностью только дворянского образа жизни, проникнув во все слои городского населения. Некоторые бальные танцы, например, кадрили, в XIX в. стали танцевать даже в деревне.

Бал имел свои правила, свою последовательность танцев и свой этикет, особые для каждой исторической эпохи. Обязательной принадлежностью бала был оркестр или ансамбль музыкантов. Танцы под фортепьяно балом не считались. Бал всегда заканчивался ужином и очень часто включал дополнительные, кроме танцев, развлечения: небольшой концерт специально приглашенных артистов или любителей - певцов и музыкантов - из числа гостей, живые картины, даже любительский спектакль.

По сложившейся в России традиции не принято было устраивать балов, как и других многолюдных развлечений, в период больших постов, особенно Великого поста, а также во время траура. Традиционно бальный сезон длился с Рождества (25 декабря по старому стилю) и до последнего дня масленицы. В остальное время года балы устраивались редко, по особым случаям.

Наиболее официальной разновидностью были придворные балы, довольно чопорные и скучные. На них собирались тысячи гостей. Так, на балу 1 января 1828г. было до сорока тысяч человек. Участие в придворных балах было обязательным для приглашенных. От него могла избавить только серьезная болезнь. На балах, кроме императора, императрицы и членов царской семьи - великих князей, княгинь и княжон, присутствовали придворные чины: гофмейстеры, гофмаршалы, шталмейстеры, церемониймейстеры, камергеры, камер-юнкеры, статс-дамы, фрейлины и пажы, а также дипломаты, гражданские чиновники, имевшие по "Табели о рангах" четыре высших класса, все живущие в Петербурге генералы, губернаторы и предводители дворянства, гостившие в России знатные иностранцы. Обязаны были ездить на придворные балы и гвардейские

офицеры - по два человека от каждого полка. Для этого существовали специальные графики - разрядки, помогавшие соблюдать очередность. Офицеры приглашались специально как партнеры по танцам. Все семейные должны были являться с женами и взрослыми дочерьми.

На придворные балы полагалось приезжать в полной парадной форме, в наградах. Для дам также были установлены платья специального фасона, богато расшитые золотой нитью. В некоторых случаях ко двору приглашались также представители богатого купечества и верхушки горожан. В результате дворцовые залы оказывались битком набиты народом, делалось очень тесно и жарко. Из-за преобладания пожилых людей, танцующих было немного. Некоторые садились играть в карты, а большинство гостей чинно перемещались из зала в зал, дивясь пышности дворцового убранства, глаза на императора и высокопоставленных вельмож и дожидаясь ужина.

Представители знатнейших и богатейших семей Петербурга и Москвы давали великосветские балы. Именно они наиболее полно выражали особенности той или иной бальной эпохи. Особенно великолепны были великосветские балы второй половины XVIII и первой половины XIX в. Здесь тоже бывало многолюдно, но в меру - тысяч до трех приглашенных. Гости созывались по выбору хозяев дома из числа их друзей, родственников и великосветских знакомых. Нередко приезжали и члены императорской семьи, но без всякой официальности - просто в гости. От участия в подобных балах можно было отказаться, извинившись перед хозяевами, и поехать куда-нибудь в другое место, но делали это нечасто: подобные балы считались очень престижными, а хозяева наперебой старались превзойти друг друга и удивить гостей разными затеями, изысканным ужином и роскошью бального убранства. Каждый старался как мог. В залах горели тысячи свечей, что тогда являлось главным признаком большого праздника: свечи были дороги, и в повседневной жизни комнаты освещались очень скупо. Лестницы были устланы дорогими коврами, всюду теснились тропические растения в кадках; душистая вода струилась из специально устроенных фонтанов; распространяли ароматный дымок курильницы. К ужину подавали редкие тогда в России ананасы, экзотические в зимнее время персики, виноград, свежую клубнику, огромных рыб, необыкновенные блюда, дорогие вина со всего света и т.п. На подобных балах чаще всего происходили светские дебюты молодых людей и девушек, которых начинали вывозить в свет.

Множество разновидностей имели общественные балы. Особенно часто давались они в провинции: в зданиях Благородного или городского собрания, в театрах, различных клубах, в резиденциях губернаторов и в

залах, снятых в домах частных лиц. Как правило, круг участников таких балов был широким и пестрым: чиновники, военные, помещики, учителя и пр. Средства на такие балы собирались по подписке (в складчину), либо на них продавали билеты, которые мог купить каждый желающий. Общественные балы устраивались не только дворянством, но и купечеством, ремесленниками, художниками и артистами и т.п.

Наиболее веселыми и непринужденными бывали обычно балы семейные. Их приурочивали к семейным праздникам, приглашали родню и близких знакомых - как правило несколько десятков человек.

Выделяли в бальной семье также маскарады и благотворительные балы, на которые продавали билеты, а в залах устраивали благотворительную торговлю. Для этого строили небольшие, нарядно украшенные павильончики и палатки, в которых дамы-добровольцы продавали фрукты, цветы, сласти и разные безделушки. Фиксированных цен не было; каждый платил столько, сколько мог или хотел. Все вырученные от бала средства шли в пользу какого-нибудь детского приюта, учебного заведения, пострадавших от стихийных бедствий и т.п. Подобный бал описан в повести А.П. Чехова "Анна на шее".

Маскарадные потехи, восходящие еще к языческим временам, были известны на Руси с глубокой древности. Праздники зимнего и летнего солнцестояния, Петров день, масленица и в начале XIX в. не обходились без ряженых. Одетые животными и птицами (медведями, козами, волками, журавлями), а также стариками и старухами, солдатами и цыганами, они ходили по деревенским улицам, появлялись на молодежных посиделках. Церковь терпела ряженье как дань старинному обычаю, но не одобряла, как и всякое лицедейство (даже в середине XIX в. актеры, выходя на сцену, снимали с себя нательные кресты, чтобы не осквернять их своим недостойным ремеслом). Рядилась только молодежь: людям почтенным и семейным это считалось не к лицу и зазорно. Только Иван Грозный время от времени пренебрегал своим высоким положением и устраивал на опричных пирах пляски в "машкерах" (масках) и костюмах, сам нацеплял личину и принуждал к тому же своих приближенных. На одном из таких пиров произошел эпизод, легший в основу известной баллады А.К. Толстого "Князь Михаиле Репнин", герой которой, возмущившись царским nepотpeбствoм, растоптал маску ногами и был тут же убит за неповиновение.

Чрезвычайно любил рядиться Петр I. До наших дней сохранился его любимый маскарадный костюм голландского шкипера, который он надевал во время популярных в его время костюмированных шествий, несколько напоминавших - с поправкой на климат и место действия - современные

бразильские карнавалы. Во время петровских маскарадов по улицам Москвы совершали объезд причудливых форм повозки, запряженные не только лошадьми, но и волами, козами, свиньями, даже верблюдами, а на них и вокруг них сидели, стояли, топтались и приплясывали попеременно музыканты, придворные, певчие, царские шуты, наряженные – кто, по-старинке, козами и медведями, кто - "в новом духе" - чертями, турками, "слугами Бахуса" (т.е. Вакха, бога вина и веселья). Были и "тематические" карнавалы, как, например, в 1721 г. в честь Ништадтского мира со Швецией, повозки имели вид раззолоченных галер и фрегатов с парусами, пушками, пышно разодетыми матросами-гребцами. Петр неизменно участвовал в подобных праздниках.

На протяжении всего XVIII в. устраивались подобные маскарадные шествия. В 1763 г. Москва три дня наблюдала за грандиозным маскарадом "Торжествующая Минерва". XIX в. подобных зрелищ не знал, зато со времен императрицы Елизаветы Петровны в особую моду вошли костюмированные балы и собственно маскарады, когда к костюмам участников прибавляли еще и маски. Сама Елизавета до страсти любила рядиться, находила, что ей идет мужской костюм, и довольно часто устраивала при дворе маскарады, называвшиеся "Метаморфозы". На них назначенные лично ею лица должны были являться в одежде противоположного пола. "Правда, что нет ничего безобразнее и в то же время забавнее, как множество мужчин, столь нескладно наряженных, и ничего более жалкого, как фигуры женщин, одетых мужчинами. Большинство являлись на эти балы злыми, как собаки", - вспоминала невольная участница этих балов великая княгиня Екатерина Алексеевна (будущая Екатерина II).

В своем роде это было действительно занятное зрелище: высоченные красавцы-гренадеры и камер-юнкеры в нахлобученных женских париках, с голыми по локоть волосатыми руками, в гигантских юбках (каркасы которых, фижмы, по тогдашней моде достигали в поперечнике 2-2,5 метров) и с выражением бессильной ярости на лицах, плясавшие менуэт с маленькими, неловкими и робеющими, потерявшими привлекательность дамами, испуганно шарахающимися от фижм кавалеров.

Надо сказать, что фижмы переряженных кавалеров и в самом деле представляли некоторую опасность: ими не только сметали безделушки со столов, но и опрокидывали тяжелую мебель. Нередки были случаи, когда и дамы оказывались "уронены" на пол юбками кавалеров и с большим трудом, барахтаясь, могли потом освободиться и встать на ноги. Эти падения и барахтанья, кажется, больше всего забавляли императрицу Елизавету. Часто при Елизавете устраивались маскарады в Петергофе, в парке, на фоне

журчащих фонтанов и сверкающих разноцветными огнями иллюминаций. Специально издававшийся указы предписывали являться на маскарады, "платье маскарадное имея должное, окромя только пелегримского и арлекинского и непристойных деревенских, а в русских телогреях, тако ж в ямщицком и в другом таком же подобном платье отнюдь не приезжать, и в приличных масках". И при Елизавете, и при сменившей ее на престоле Екатерине II придворные маскарады устраивались довольно часто, в иные периоды чуть ли не еженедельно.

При Екатерине все более популярными становились и общественные маскарады. Их устраивали обычно в театрах на Новый год и масленицу: зал превращали в танцевальный, настилая полы вровень со сценой прямо поверх зрительских кресел, а ложи отводили для зрителей. Вход на маскарад стоил примерно столько же, сколько средний театральный билет; дамы проходили бесплатно. Маска была обязательна; костюм желателен, но его мог заменить плащ-домино. По требованию полиции устроители маскарада просили снять маски и записывали "анкетные данные" у первых и последних десяти посетителей, а наутро начальник городской полиции - обер-полицмейстер - предоставлял этот список "ко дворцу". Эта традиция была установлена Екатериной II, желавшей знать, кто из ее подданных больше других любит повеселиться. Желавшие сохранить "инкогнито" приезжали к середине вечера и уезжали задолго до его конца. Общедоступные маскарады охотно посещала Екатерина II, одевавшая обычно мужской наряд, маску и домино и приезжавшая в чужой карете. Она не только наблюдала из ложи за танцующими, но и сама принимала участие в танцах и очень любила "поинтриговать" кого-нибудь по маскарадному обычаю.

Большим охотником до маскарадов был Николай I. У себя, в Аничковом дворце, где Николай I жил еще юношей и который любил больше других своих резиденций, он устраивал балы и маскарады для узкого круга приближенных, и на них не возбранялось веселиться и дурачиться, как кому угодно. Ездил император и на общественные маскарады в оперу и в популярный в 30-40-е годы XIX в. зал Энгельгардта в Петербурге (маскарад в этом зале описан в драме М.Ю. Лермонтова "Маскарад"). Вкус императора был законом для высшего света, и в маскарады стали ездить представители самых аристократических кругов. Многие старались подойти к императору, который всегда был без маски, и постараться его "заинтриговать". Однажды это удалось сделать его собственной дочери - Марии Николаевне, которая очень заинтересовала Николая своим умом и остроумием и сумела остаться не узнанной отцом. В 1850 г. в Москве в честь 25-летия царствования Николая I был дан роскошный костюмированный бал, участники которого

нарядились в костюмы населяющих Россию народностей. Среди участников был одетый персидским царевичем семилетний князь Петр Кропоткин, будущий знаменитый революционер-анархист.

Последний период всплеска интереса к маскарадам и костюмированным балам относится к началу XX в. В эти годы больше всего ценилась историческая точность костюмов, и балы сделались "тематическими": античными, рококо, в стиле Директории (Французская Республика в конце XVIII в.), этнографическими (в народных костюмах). Участники должны были со всей полнотой передать облик людей избранной эпохи: одежду, прическу, украшения, обувь, научиться кланяться, как они, и танцевать те же танцы. В 1903 г. в Зимнем дворце состоялся грандиозный исторический бал, все участники которого оделись в русские придворные костюмы XVII в.: боярышень, стольников, стрельцов, бояр и т.п., выполненных с исключительной достоверностью и богатством. Император Николай II и его жена Александра Федоровна приняли участие в этом празднике, наряженные в царские костюмы XVII в.

Были, наконец, еще сельские праздники, дававшиеся летом на дачах и в загородных имениях. Они включали кроме бала концерты роговой музыки, фейерверки и т.п. Танцевали здесь зачастую прямо под открытым небом на лужайках или в огромных палатках, поставленных среди деревьев парка.